

К чему ведет нацию историческая политика Беларуси

УДК 323.1 (476)

Евгений ПОДЛЕСНЫЙ,
кандидат политических наук

Евгений ПОДЛЕСНЫЙ. К чему ведет нацию историческая политика Беларуси. Историческая политика является важнейшим элементом государственного строительства. Она выступает как способ конструирования внешнеполитического имиджа страны, механизм общенациональной консолидации на основе общепризнанной гражданско-политической идентичности, ресурс внутривнутриполитических трансформаций в обществе, инструментальная составляющая политической системы. Для Беларуси историческая политика приобретает особое значение, так как история выступает главным инструментом гибридной войны, которую ведет Запад против нашей страны.

Ключевые слова: историческая политика, Республика Беларусь, Республика Польша, белорусская государственность, национальная идентичность, историческая память, титульный этнос.

Yevgeny PODLESNY. Where Belarus' historical policy is taking the nation. Historical policy is a crucial element of state building. It helps shape the country's image abroad and consolidate the nation around a generally recognized civil and political identity. It can also be used as a resource for internal political transformations, an instrument of the political system. Historical policy is of particular importance for Belarus, since history is the main instrument of the hybrid war that the West is waging against our country.

Keywords: historical policy, Republic of Belarus, Republic of Poland, Belarusian statehood, national identity, historical memory, titular ethnic group.

В ходе эволюции человечества возникали обстоятельства, при которых те или иные политические силы стремились совершать манипуляции с историей своего народа для приспособления исторических процессов к своим целям. При этом в ходе использования различных форм сокрытия истинных намерений по извращению истории применялись такие метафоры и понятия, как «память нации», «память французов, немцев...», «представление о прошлом», «знание о прошлом», «историческое сознание» и др.

Процесс формирования исторической политики

В XX веке связь между историей и политикой не только не ослабла, но еще больше усилилась. Данное обстоятельство привело к появлению новых, уже легитимных форм «политизации истории». В 1980-х годах в Германии произошло теоретическое оформление термина «историческая политика». Официальной причиной для этого стало решение

[ОБ АВТОРЕ]

ПОДЛЕСНЫЙ Евгений Яковлевич.

Родился в 1948 году. Окончил Минское суворовское военное училище (1967), Московское высшее командное общевойсковое училище – Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище (1971), Военно-политическую академию (1979), Академию общественных наук при ЦК КПСС – Российскую академию управления (1992).

Службу проходил на должностях армейского политсостава: от заместителя командира мотострелковой роты по политической части до начальника политического отдела танковой дивизии.

В 1991–1997 годах служил в аналитических и воспитательных структурах Витебского областного военкомата, Министерства обороны и Военной академии Республики Беларусь. С 1997 по 2001 год – доцент кафедры оперативного искусства Военной академии. Полковник в отставке.

Кандидат политических наук (1992).

Автор 10 учебных пособий и ряда публикаций в периодической печати.

Сфера научных интересов: военно-политическая аналитика и история.

правительства Гельмута Коля изменить взгляды немцев на эпоху Гитлера. Немецкие элиты посчитали необходимым утвердить в обществе более позитивный взгляд на характер немецкого патриотизма, который до этого времени базировался на признании собственной вины и ответственности за преступления Третьего рейха [1, с. 1]. Федеральное правительство потребовало от исследователей придать процессу пересмотра немецкой истории научный характер. Так появилось определение «историческая политика».

Эстафету в деле придания легитимности коренной ломке взглядов на историю у ФРГ подхватили поляки. 31 декабря 1989 года на развалинах Польской Народной Республики образовалась Республика Польша, из конституции которой исчезло определение «социалистическая». Появилась срочная необходимость изменений подходов ко всей истории польского народа. И понятие «историческая политика» пришлось как нельзя кстати. Этому обстоятельству во многом способствовала тесная связь национальных структур Польши и Германии, занимающихся историческими исследованиями. Так, в Республике Польша действовали Германский исторический институт в Варшаве, Центр исторических исследований Польской академии наук в Берлине. Для обучения школьников Польши даже был выпущен совместный польско-немецкий учебник истории [2, с. 7].

Под влиянием коренных преобразований политической жизни польского общества формируется категория «новая историческая политика». Ее появлению предшествовал целый ряд социально-политических предпосылок: ожесточенная борьба новых властей Польши с «искажениями» прошлого, многочисленные дискуссии в польском обществе по обсуждению направлений развития польской истории, длительная идеологическая «работа» интеллигенции Польши с общественным сознанием по возвращению русофобии, создание Института национальной памяти с правом на люстрацию граждан страны и контролем за средней и высшей школой с помощью Бюро общественного образования (1998), появление Музея Варшавского восстания (2004), превращение общенациональной Главной комиссии по расследованию преступлений гитлеризма (1945) во входящую в структуру ИНП Главную комиссию по расследованиям преступлений против польского народа и выделение в ее деятельности преступлений, совершенных в годы сталинского режима (1990), приверженность польской общественности к имперским традициям.

Возникшая в 2004–2007 годах «новая историческая политика» предполагала соотносить будущее нации с моделями прошлого и возвратиться к неоконсервативной национальной идеологии под девизом «Патриотизм завтрашнего дня» [2, с. 1]. Главными выразителями данных тенденций стали польские интеллектуалы, непосредственно связанные с консервативным краковским Центром политической мысли (1992). Это философы и историки Марек Чихоцкий, Дариуш Карлович, Дариуш Гавин и социолог Здислав Краснодембский [2, с. 2]. Активную роль сыграл также польский историк, политолог, директор Центра исторических исследований Польской академии наук в Берлине Роберт Траба. Они предложили программы по формированию польской культурной идентичности после 1989 года, что сводилось к пересмотру целого ряда устоявшихся взглядов на польскую и всемирную историю.

Особо отчаянно «борются» польские политики и историки с фактами массовых убийств поляками евреев и белорусов после оккупации гитлеровцами БССР. Но такие факты есть, и их не скроешь. К примеру, гражданин США Ян Томаш Гросс опубликовал книгу, в которой рассказал о том, что местные поляки 10 июля 1941 года в городке Едвабне Белостокского края уничтожили несколько сотен евреев, с которыми бок о бок мирно жили десятилетиями. При этом он указывает, что так было по всей Польше, в которой евреи превратились в «охотничью дичь» для польских охотников: убийства совершали как жители местечек и городов с целью грабежа убитых, так и специальные отряды (Крестьянские батальоны, Национальные вооруженные силы, Армия Крайова, «гранатовая полиция» и т. д.). Ян Гросс подчеркивает, что все убийцы евреев были римско-католического вероисповедания [3, с. 49, 55, 81]. Не менее важная задача перед польскими властями стоит в изменении предвоенного имиджа Польши, бывшей реальным пособником европейской бойни. Уинстон Черчилль в свое время назвал ее «гиеной Европы», имея под этим весьма веские основания. Польша одна из первых на Европейском континенте заключила 26 января 1934 года договор с гитлеровской Германией о ненападении, который вошел в историю как «Пакт Пилсудского – Гитлера». Польские власти во всем потакали реваншистским устремлениям Гитлера и вместе с ним разделили Чехословакию в 1938 году, отделив от нее Тешинскую область. В целом надо отметить, что в межвоенный период поляки присоединили к своему государству значительные части территорий всех своих соседей: от Германии – Верхнюю Силезию, Литвы – Виленский край, Советского Союза – земли Украины и Беларуси.

В воинских формированиях Третьего рейха служило и воевало 945 тыс. поляков, на стороне Советского Союза – 330 тыс., в войсках союзников – 220 тыс. В 1942 году поляки составляли 40–45 % личного состава 96-й пехотной дивизии вермахта, около 30 % 11-й пехотной дивизии и т. д., которые противостояли Красной армии. В советский плен попало 60 280 поляков, воевавших на Восточном фронте [4, с. 2].

Церемония открытия городской детско-молодежной акции «Мы едины» в сквере имени Марата Казея в Минске. 2021 год

Таким образом, перед польской новой исторической политикой стоит сложная задача: из реального агрессивного монстра создать «безвинную» жертву гитлеризма и сталинизма. Для этого в настоящее время власти Республики Польша проводят активную и искусную работу по переформатированию исторической памяти не только граждан своей страны, но и коллективной памяти мирового сообщества.

«Новая историческая политика» современной Польши несет прямую угрозу белорусской государственности. Во-первых, возвращение к исторической модели развития польского народа означает возрождение идеи Речи Посполитой, в которой нет места независимой Беларуси, а ее земли должны превратиться в польскую провинцию. Кстати, в 2005 году необходимость создания IV Речи Посполитой была оформлена теоретически и стала доминантой в деятельности польских политиков всех мастей. Во-вторых, возведение СССР в ранг агрессора, начавшего Вторую мировую войну, делает нелегитимным воссоединение белорусского народа 17 сентября 1939 года в единое государство, с точки зрения польских элит на международное право. Западная Беларусь должна будет, по их мнению, войти в состав Республики Польша, или все белорусские территории должны превратиться в часть новой польской империи.

Создание десятков фондов, программ и сетевых структур по изменению сознания белорусской нации и дестабилизации политических отношений внутри Беларуси является практической реализацией польской «новой исторической политики». К сожалению, опыт Польши по преобразованию исторического сознания оказался востребованным у молодых государств, вышедших из мировой системы социализма и СССР. Категория «историческая политика» уже стала открыто оказывать влияние на важнейшие сферы человеческой деятельности многих стран: государственную безопасность, национально-культурную идентичность, национальное самосознание, научное познание, процесс социализации, обучение и воспитание граждан. В конце второй половины прошлого столетия историческая политика легитимизировалась в политических отношениях всего мира. С этого времени появляется масса определений, раскрывающих ее содержание и сущность. В этом аспекте целесообразно выделить идентификацию исторической политики, изложенную белорусскими учеными Национальной академии наук и сотрудниками аппарата Совета Безопасности Республики Беларусь в журнале «Беларуская думка» № 8 за 2019 год. Размещенная там статья называлась «К вопросу об исторической политике» [5, с. 3, 4].

Подписываясь под каждым словом приведенного определения исторической политики, на наш взгляд, необходимо уточнить ее целеполагающие основы. В широком смысле под «исторической политикой» можно понимать набор приемов и методов, с помощью которых разные политические силы страны, используя административные и финансовые ресурсы, стремятся сформировать определенную интерпретацию исторических событий как доминирующую в обществе. В узком смысле это систематическое профессиональное исследование историческими институтами прошлого народа, описание, преподавание и распространение сформированных исторических интерпретаций через школу, высшие учебные заведения, сферу культуры, которые широко используются при формировании национальной идентичности. Областью их применения являются также музеи, туристические объекты, исторические символы, памятные даты, внутри- и внешнеполитические исторические презентации, общегосударственные или партийные ритуалы, протокольные мероприятия.

Историческая политика выступает как способ конструирования внешнеполитического имиджа страны, механизм общенациональной консолидации на основе общепризнанной гражданско-политической идентичности, ресурс внутривнутриполитических трансформаций в обществе, инструментальная составляющая политической системы.

Методология осуществления исторической политики

Ее реализация сводится к моделированию необходимого исторического сознания и определенной исторической памяти граждан страны для достижения определенных политических целей. А важнейшим инструментом исторической политики является механизм управления исторической памятью народа, которая представляет собой опорные пункты массового знания о прошлом, определенный набор ключевых исторических событий и их участников в устной, визуальной или текстуальной форме, которые присутствуют в активной памяти.

Историческая память при этом складывается под влиянием базового сюжета исторической политики. Он является некой осью, вокруг которой вращается историческое сознание общества и все, что его формирует: исторические исследования, преподавание истории, доведение до общества содержания материалов СМИ и т. д. К примеру, для

исторической политики Российской империи базовым сюжетом была династия Романовых, для Советского Союза и БССР – Ленин и Великая Октябрьская социалистическая революция.

Для литвино-поляков белорусских территорий, несмотря на их российское, советское или белорусское гражданство, базовым сюжетом исторической политики является величие ВКЛ и Речи Посполитой, их трактовка как основополагающих истоков государственности белорусского народа. В Беларуси на протяжении всей ее истории литвино-поляки составляли и ныне составляют небольшой процент от общего числа ее населения. Однако почти всегда литвино-польский элемент был заметной и активно-агрессивной силой белорусского общества, создавая условия для цивилизационного раскола страны.

Сохранили неофициальное лидерство литвино-поляки и в независимой Беларуси. В ней не принято говорить об исторической политике: белорусские власти придерживаются толерантного подхода к историческим вопросам, который должен исключать политизацию истории Беларуси. Этим самым властные структуры надеются обеспечить социальный мир в обществе, то есть в Республике Беларусь, с одной стороны, как бы отсутствует государственная историческая политика, а с другой – в стране постоянно развивается стройная концепция белорусской истории со своим базовым сюжетом, мифами и аппаратом распространения.

Например, некоторые историки считают, что принадлежность к истории нынешней Беларуси известных исторических имен, фамилий и древних государственных образований возвысит ее в глазах мирового сообщества. По их мнению, такой путь поможет Республике Беларусь освободиться от советского прошлого и войти в европейское содружество процветающих государств. В этих целях одни стали называть Великое Княжество Литовское, Речь Посполитую белорусскими государствами, превратили польских королей и великих князей ВКЛ в белорусских государственных деятелей, а другие заговорили о мифической белорусской государственности в рамках ВКЛ и Речи Посполитой.

Возведение ВКЛ, Речи Посполитой и их знати в ранг белорусского исторического наследия – важнейшая сторона (квинтэссенция) исторической концепции белорусской оппозиции.

Такой формат исторической политики вступает в противоречие с реальностью белорусского народа и подвергает коррозии историческую память и сознание белорусов. Он является антагонистической альтернативой этнокультурной ценностной системы белорусской нации, которая в процессе исторического генезиса сформировалась на основе восточно-христианской цивилизации. В настоящее время для осуществления смены цивилизационного кода жителей Беларуси задействовано множество различных структур, организаций и программ. В частности, необходимо указать на такие проекты, как «Неизвестная история» и теория молодых белорусских оппозиционеров о «мирном симбиозе» исторического прошлого белорусского народа, миф о мирном сосуществовании в белорусской истории католичества и православия, польскости и русскости, Востока и Запада.

Один из ярких примеров такого «симбиоза» – жизнь православных белорусов в ВКЛ, которая после утверждения католичества в качестве государственной религии (1385–1413) превратилась в ад. С введением в стране великим князем ВКЛ Сигизмундом Кейстутовичем святой инквизиции против еретиков (1436) он стал невыносимым [6].

В Речи Посполитой социальный статус ее жителей, исповедовавших православие, почти всегда, за исключением коротких промежутков времени, был один – общественные изгои. К примеру, на Варшавском сейме 1732 года была создана «генеральная конфедерация», постановившая запретить: «1) избрание правосл. депутатов в сеймы, трибуналы и специальные комиссии; 2) созыв правосл. съездов и собраний; 3) принятие православных на должности в воеводствах, городах и землях Речи Посполитой; 4) сношения со всеми иностранными представителями при варшавском дворе...». Конфедерация также запрещала православным священникам ходить по улицам со Св. Дарами, церковные таинства и требы можно было совершать только с разрешения ксендзов за установленную плату; хоронить усопших православным разрешалось только ночью [7, с. 482].

При Стефане Батории состоялось первое публичное сожжение книг на «русском» (белорусском) языке в 1581 году. Как указывал известный белорусский историк Владимир Пичета в своей книге «Белоруссия и Литва...» (1961), особенно неистовствовали три виленских католических епископа: Валерьян Протасевич, Юрий Радзивилл и Акакий Гроховский. Юрий Радзивилл истратил значительную сумму денег на скупку книг, изданных Несвижским издательством его отца, и все они пошли в огонь [8, с. 683].

Еще один пример «симбиоза» польского панства и белорусских крестьян. В 1790 году польский философ, литератор и промышленник Станислав Сташиц в своей работе *Przestrogi dla Polski* («Предостережение для Польши») так описал внешний вид и быт белорусов на еще не присоединенных к России белорусских землях перед последним разделом

Речи Посполитой: «Я вижу миллионы творений, из которых одни ходят полунагими, другие покрываются шкурой или сермягой; все они высохшие, обнищавшие, обросшие волосами, закоптевшие... Наружность их с первого взгляда выказывает больше сходство со зверем, чем с человеком... Жилищами им служат ямы или землянки, возвышающиеся над землей (шалаш). Солнце не имеет туда доступа. Они наполнены только смрадом... В этой темнице... хозяин, утомленный дневной работой, отдыхает на гнилой подстилке, рядом с ним спят нагишом малые дети» [9, с. 140, 141]. Будет уместным привести свидетельства английского путешественника Вильяма Кокса, который посетил в августе 1799 года местечко Мир (владения Радзивиллов): «Жители этой деревушки были так бедны, что мы не могли достать самых обыкновенных съестных припасов» [10, с. 628].

Приведенные примеры, как и в целом объективные исследования белорусской истории, показывают, что сложившаяся в Республике Беларусь практика установления некоторого нейтралитета в освещении процесса генезиса истории белорусского народа и полного или частичного отхода от исторической правды ради неких политических целей является аполитичной. Она приводит к тому, что памятными знаками независимой Беларуси становятся не Дед Талаш, Константин Заслонов и Марат Казей, а Кастусь Калиновский, Тадеуш Костюшко и Леон Плятер; не Хатынь и партизанские зоны, а замки и родовые поместья литвино-польской знати. Не отрицая историческую значимость последних, надо все-таки отличать культуру и историю белорусского народа от литвино-польских и шляхетских общекультурных ценностей; истинно народных героев от исторических персонажей, которые создавали свои богатства и личное благополучие на крови и слезах наших предков, считая их «быдлом» и «холопами».

Возьмем еще две крайне болезненные для страны темы: превращение белорусских коллаборационистов Второй мировой войны в создателей белорусской государственности и низведение партизанского движения до маргинально-бандитского уровня. Так, Зинаида Антонович, доцент кафедры источниковедения исторического факультета Белорусского государственного университета, в своей работе «Асоба Фабіяна Акінчыца ў кантэксте часу» указывает, что руководитель Белорусского бюро пропаганды при министерстве пропаганды фашистской Германии Фабиан Акинчич «... ставіў перад сабой неадназначную, на сённяшні момант вельмі актуальную мэту, – адраджэнне беларускай нацыі...» [11, с.99]. Созданный им в 1943 году Союз белорусской молодежи был образован, по мнению автора для «... супрацьстаяння ўплыву савецкай прапаганды, а таксама росту нацыянальнай самасвядомасці і падрыхтоўкі кадраў для будучай беларускай дзяржавы» [11, с. 98].

Бывший член Геральдического совета при Президенте Республики Беларусь Виктор Ляхор в своей книге «Сражение со звездой: символика, атрибутика, знаки различия, униформа антисоветских формирований на территории Беларуси в годы Второй мировой войны» (2018) уравнивает фашистских оккупантов с теми, кто с ними сражался, и считает, что «в той войне двух тоталитарных государств русские, украинцы и белорусы сражались под советскими, немецкими и национальными знаменами, обагрив своею кровью мундиры воюющих сторон... С Красной Армией воевали бывшие доблестные командиры РККА, партийные и советские чиновники, чекисты и милиционеры... комсомольцы и пионеры» [12, с. 7].

Белорусский лауреат Нобелевской премии Светлана Алексеевич в феврале 2020 года поделилась с журналистами интернет-издания Meduza своим личным: оказалось, что «она всю жизнь прожила в полицейской стране». По ее словам, в годы Второй мировой войны тысячи мужчин в Беларуси были полицейскими. Для подтверждения достаточно абсурдных утверждений она приводит слова одной из героинь своей книги: «Партизаны-то еще и страшнее, немцев можно уговорить, партизан – никогда», «При немцах у крестьян впервые в горшках появился кусок мяса» [13].

В настоящее время в Беларуси издано много литературы, которая полностью опровергает подобную точку зрения. Вместе с тем эти люди в той или иной степени воздействуют на общественное сознание белорусов, участвуют в формировании определенного направления исторической политики, которая осенью 2020 года на практике показала свое банкротство. Она прямо вела к смене этнокультурных ценностей нации, предполагающей неизбежное разрушение белорусского государства, и появлению нового государственного образования на основе предположительной европейской цивилизации со многими неизвестными.

Таким образом, в Республике Беларусь образовались политические проблемы, уходящие своими корнями в прошлое белорусов. И историческая политика в их разрешении должна играть решающую роль.

Становится очевидным, что необходимо применять принципиально иные подходы к отечественной истории с целью сохранения государственности Беларуси, одним из центральным звеньев которой является национальная идентичность.

Влияние белорусской истории на формирование национальной идентичности

Если говорить о национальной идентичности, то следует подчеркнуть, что она не является прирожденной человеческой чертой. Это осознание личностью человека своей принадлежности к совокупности людей, называемых нацией. Национальная идентичность – систематизирующая категория всякой государственности. Она формируется личностью на основе «общих точек»: национальных символов, национальной истории, культурных артефактов, национального самосознания, языка и т. д. Это значит, что цивилизационная перемена «общих точек» той или иной нации ведет к смене национальной идентичности, появлению другого народа. Чтобы лишить людей собственного государства, надо или дискредитировать их национальную идентичность, или превратить ее в аморфное ничто. В этом контексте реализация подобных намерений выглядит следующим образом: меняется национальная идентичность, а это уже иной народ и другая страна. Так, в толпах протестующих на белорусских улицах осенью 2020 года, идущих против милицейских кордонов, было много людей, прошедших политико-психологическую обработку оппозиционными силами по перемене национальных символов, национальной истории и т. п.

Важное значение здесь имеет навязывание общественности идеологемы о некой «размытой идентичности» белорусов в советское время и ее полном отсутствии при нахождении белорусских земель в составе России. Будто бы в БССР была уничтожена белорусская интеллигенция, а миграционная политика руководства СССР окончательно похоронила вопрос о национальной идентичности. Некоторые историки усиленно пропагандируют необходимость создания белорусской идентичности на базе западно-христианских ценностей, которые якобы уместны в условиях многовекторности государственной политики и европейского выбора страны.

Строительство Минского тракторного завода. 1947 год

Строительство кузнечного цеха Минского тракторного завода. 1948 год

Станкостроительный завод имени Ворошилова (ныне завод им. Октябрьской революции). 1933 год

Вместе с тем логика белорусской истории была совершенно иной: разгром польских повстанцев 1863–1864 годов, руководителем которых в Беларуси и Литве называется Константин Калиновский, последующая политика России позволили превратить белорусский край в самостоятельную этнокультурную единицу. В дальнейшем процессы возрождения Беларуси привели к созданию в начале XX столетия белорусской нации на базе этнокультурных ценностей восточно-христианской цивилизации. Именно к началу XX века целая плеяда блестящих белорусских интеллектуалов разработала и сформулировала основы идентичности белорусов.

В 1930–1940-х годах происходит окончательное формирование белорусской национальной элиты, которая была способна создавать предпосылки превращения белорусских земель из аграрной окраины с польским влиянием на все сферы жизни людей в индустриальный регион с высоко развитой национальной культурой и наукой. Например, к 1940 году в Беларуси были введены в действие 1863 крупных и средних предприятия, 800 подверглись реконструкции. В 1940 году республика производила 10 % металлообрабатывающих станков, 35 % фанеры, 30 % олифы, 23 % искусственного волокна от общего объема производства в СССР. Были созданы новые отрасли промышленности – машиностроительная, станкостроительная, торфодобывающая, цементная, льнообрабатывающая [14, с. 345, 346].

Центром промышленной и культурной революции являлась Белорусская академия наук, созданная на базе Института белорусской культуры 1 января 1929 года. В то время сложились белорусские научные школы в сферах экономики, медицины, философии, археологии, истории и языкознания.

В 1939/1940 учебному году в восточных областях республики работало 7195 школ, из них 1797 семилетних, 759 средних. Около 90 % общеобразовательных школ в 1928 году были на белорусском языке [14, с. 355].

В 1940 году в Беларуси работали 23 вуза и 102 техникума. Преобладающее большинство их выпускников составляли выходцы из рабочих и крестьян, являющиеся этническими белорусами. Из издававшихся в стране в 1938 году 199 газет 149 было на белорусском языке. Успешно развивалось книгоиздательское дело. Общий тираж книг, вышедших в 1938 году, составил 14,7 млн экземпляров, из них на белорусском языке – 12,3 млн.

В Беларуси было создано «Белгоскино». Первый Белорусский государственный театр имени Янки Купалы начал свою работу в сентябре 1920 года в Минске. В 1920–1930 годы открываются белорусские государственные театры: Второй – в Витебске (позже имени Якуба Коласа) и Третий – в Гомеле, Государственный русский драматический театр и Республиканский театр юного зрителя в Минске, театры рабочей молодежи и колхозно-совхозные театры в ряде городов республики. Развитию музыкального искусства всячески способствовало открытие в 1932 году Белорусской государственной консерватории, в 1933 году – Белорусского театра оперы и балета. Белорусская государственная филармония открылась в 1937 году. Появились и достигли мирового признания белорусские национальные композиторы, художники, архитекторы, скульпторы и т. д. [15, с. 319].

Не обходилось и без противоречий, которые были вызваны целым рядом объективных и субъективных факторов. Но, несмотря на недостатки в национальном строительстве, в 1920–1940 годах на территории Беларуси произошли экономическая, научная и этнокультурная революции, в результате которых белорусский народ превратился в титульный этнос. В полном объеме были сформированы его национальные ценности и интересы, а также национальная идентичность. Разве без этих основополагающих принципов жизнедеятельности каждого общества смогли бы граждане Беларуси совершить такие глобальные преобразования, победить во Второй мировой войне и создать суверенное белорусское государство? Именно экономический, научный и культурный потенциал БССР явился основой создания современной белорусской государственности.

На развенчание данной исторической реальности и направлены усилия внешних и внутренних ниспровергателей независимости Беларуси. При этом в мировой гибридной войне глобалистов и государственников, геополитического противостояния восточно-христианской и западно-христианской цивилизаций имперские устремления польских националистов по превращению белорусских земель в польскую провинцию на правах колонии переплетаются с интересами коллективного Запада. Борьба за влияние на Беларусь от этого приобретает абсолютно бескомпромиссный характер – и надежд на некую искренность и порядочность так называемой западной демократии нет никаких. Запад и Польша с примкнувшей к ним Литвой не оставят Беларусь в покое. Поэтому наличие у нашей страны надежного стратегического союзника является не чьей-то прихотью, а условием существования Беларуси как государства.

В складывающейся ситуации становится очевидной необходимость коренных перемен в сфере исторической науки Беларуси. В первую очередь это касается субъективной стороны вопроса: политически востребованы историки-патриоты, владеющие политико-аналитическими и философскими подходами при изучении исторического наследия белорусского народа. Прошлым народа нельзя пренебрегать, иначе оно выстрелит в его настоящее и будущее.

Статья поступила в редакцию 25.08.2021 г.

[СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ]

1. Новак, Ю.В. Историческая политика как предмет социально-философского анализа // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2020. – № 1. – С. 60–66.
2. Траба, Р. Польские споры об истории в XXI веке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://polit.ru/article/2010/02/03/traba/>. – Дата доступа: 05.06.2021.
3. Гросс, Я.Т. Золотая жатва. О том, что происходило вокруг истребления евреев / Я.Т. Гросс при участии Ирены Грудзиньской-Гросс. – М.; СПб: Нестор-История, 2017. – 152 с.
4. Польша – гиена Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mapark.com/community/5392/content/6867012/>. – Дата доступа: 15.08.2021.
5. Коваленя, А. К вопросу об исторической политике / А. Коваленя, В. Арчаков, В. Данилович, А. Баньковский // Белорусская думка. – 2019. – № 8. – С. 3–11.
6. Белая Русь: неизвестная война [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/special_opinion/2015/12/belaya_rus/_neizvestnaya_vojna/. – Дата доступа: 10.08.2021.
7. Православная энциклопедия: Русская православная церковь: в 33 т. / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Православная энциклопедия. – Т.4: Афанасий-Бессмертие. – 2002. – 776 с.
8. Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв.: (Исследования по истории соц.-экон., полит. и культурного развития) / Акад. наук СССР. Ин-т славяноведения. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 815 с.
9. Зинькевич, В. «Несвядомая» история Белой Руси / В. Зинькевич. – М.: Книжный мир, 2017. – 426 с.
10. Кокс, В. По России и Польше в исходе XVIII в. / В. Кокс // Русская старина. – 1907. – № 7–9.
11. Антановіч, З. Асоба Фабіяна Акінчыца ў кантэксце часу / З. Антановіч // Знакамітыя мінчане: матэрыялы Беларуска-Польскай навуц. канф., Мінск, 9 лістапада 2006 г. / Польскі Інстытут у Мінску. – Мінск, 2007. – С. 94–99.
12. Ляхор, В.А. Сражение со звездой: символика, атрибутика, униформа, знаки различия антисоветских формирований на территории Беларуси в годы Второй мировой войны / В.А. Ляхор. – Минск: Колорград, 2018. – 97 с.
13. «Нас учат только тому, как умереть за Родину»: Большое интервью Светланы Алексеевич о сложных отношениях с героями и культуре без любви [Электронный ресурс]. – Режим доступа: meduza.io/feature/2020/02/18/ya-vsyu-zhizn. – Дата доступа: 23.04.2020.
14. Чигринов, П.Г. Очерки истории Беларуси: учеб. пособие / П.Г. Чигринов. – 3-е изд., испр. – Минск: Выш. шк., 2007. – 463 с.
15. История Белорусской ССР [Текст] / [Г.В. Штыхов, А.М. Карпачев, К.И. Шабуня и др.; Редкол.: И.М. Игнатенко и др.]; АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1977. – 630 с.